

Кривенко Василий Силович

По Дагестану

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Силович К.**
По Дагестану / Кривенко Василий Силович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 83 с.

ISBN 978-5-519-91146-7

ISBN 978-5-519-91146-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

претензіями. Видѣлъ я ихъ, знаю вашу столичную молодежь. Помощи-то отъ нихъ родители не жди.

Прорѣзывая сѣверную полосу области, мы почти не встрѣчали людей, которые, по своему вѣшнему облику, напоминали бы казаковъ. Все это былъ рабочій людъ, при телѣгахъ и плугахъ, запряженныхъ волами. Лошадей видно мало. Зато на одной станціи, на которой вышелъ генералъ, мы увидѣли цѣлый лагерь въ 10 казачьихъ полковъ. Сюда были собраны льготные казаки на мѣсячный сборъ. Лагерь, составленный изъ разнокалиберныхъ палатокъ. На сѣно и овесъ при этихъ сборахъ, какъ намъ говорили, отпуска не полагается, лошади должны быть на подножномъ корму. Однако, запасливые казаки подвезли фуражъ изъ дому и себя не забыли.

Недостатокъ лошадей ощущается уже и на Дону, въ этомъ громадномъ до сихъ поръ депо для ремонта всей нашей кавалеріи. Плугъ и овца — вотъ два врага коневодства. Правительство дѣлаетъ усилія, чтобы поддержать эту отрасль сельской промышленности; но тревожные признаки упадка верхового коневодства сказываются сильнѣе и сильнѣе.

Въ Задонской степи около 800 тыс. десятинъ отведено, подъ такъ называемые «зимовники», въ льготное пользованіе казаковъ-коннозаводчиковъ. Участки отдаются пространствомъ въ 2 400 десятинъ съ платой по три копѣйки съ десятины и обязательствомъ имѣть въ табунахъ не менѣе 175 головъ. Зѣмли тутъ прежде дѣйствительно были дешевы, но съ теченіемъ времени, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, врядъ ли долго удержатся такія сказочныя арендные цѣны.

Теперь надежды возлагаются на дальній Востокъ, на непочатыя киргизскія степи, гдѣ бродятъ табуны низкорослыхъ, но крѣпкихъ лошадей. Поднять ихъ ростъ приливомъ высшей крови и болѣе обеспеченнымъ зимнимъ кормомъ — вотъ задача лицъ, желающихъ вызвать киргизскую лошадь въ кавалерійскій ремонтъ.

Темнѣетъ. Поѣздъ, наконецъ, останавливается. Мы въ Царицынѣ. Въ вокзалѣ виднѣются объявленія пароходныхъ обществъ. Среди шумно двигающихся пассажировъ слышны толки о пароходахъ, о Волгѣ. Желѣзнодорожный агентъ, къ которому мы обратились съ вопросомъ о гостиницѣ, совѣтовалъ намъ ѣхать прямо на пристань и тамъ въ «конторкѣ» переночевать. Это насъ мало соблазняло. Любезный молодой человѣкъ называлъ намъ тогда лучшую, по его мнѣнію, гостиницу, причемъ увѣрялъ, что это всего два шага отъ вокзала и потому не стоитъ даже брать извоз-

чика. Мы не послушались его и поторопились заручиться экипажемъ, такъ какъ ихъ недоставало для всѣхъ прїѣхавшихъ съ поѣздомъ.

Сверхъ ожиданія мы нашли довольно удобный номеръ въ гостиницѣ съ вполне чистыми постелями.

На утро я вышелъ побродить по городу. Плыль столбомъ ходила по большой площади, обстроенной торговыми заведеніями. Царицынъ расползся по правому берегу Волги, расползся безъ плана и системы. Виѣшностью онъ не манитъ къ себѣ, но чувствуется тутъ присутствіе жизни, кипучей дѣятельности. Въ скоромъ будущемъ, съ проведеніемъ Тихорѣцко-Царицынской линіи, для него открывается еще болѣе обширное поприще передаточнаго пункта волжскихъ грузовъ къ Черному морю.

По улицамъ вездѣ видѣются афиши съ рекламами о спектакляхъ разныхъ столичныхъ и провинціальныхъ знаменитостей.

По набережной размѣстились конторки различныхъ пароходныхъ обществъ, на Волгѣ столпились караваны судовъ и то тамъ, то здѣсь попыхиваютъ пароходы и гулко-жалобнымъ свистомъ даютъ знать городу о своемъ нетерпѣніи стоять на мѣстѣ. У пристаней толкотня, спуютъ возы съ грузомъ, торговцы сарептскими пряниками и всякими сладостями неотступно приглашаютъ купить свой товаръ. Билетъ 1-го класса до Петровска стоитъ 22 р. По сравненіи съ современнымъ желѣзнодорожнымъ тарифомъ это слишкомъ дорого, хотя сюда входитъ и морской переѣздъ со столомъ.

Я не зналъ, что за четверть часа до назначеннаго для отправления парохода времени, онъ отходить отъ пристани и даетъ мѣсто идущему изъ Астрахани, а самъ, сдѣлавши кругъ по рѣкѣ, пристаеъ къ борту товарища для окончательной догрузки.

Къ моему удивленію, пароходъ загудѣлъ и сталъ отдѣляться отъ пристани, я стремглавъ бросился къ конторкѣ и сталъ кричать своему петербургскому спутнику, находившемуся на пароходѣ. Онъ замѣтилъ меня и въ свою очередь устремился съ свойственной ему энергіей къ капитану. Скоро все объяснилось, но я, не предупрежденный заранѣе, все-таки пережилъ непріятную минуту и нѣкоторое время чувствовалъ себя неловко подѣ насмѣшливыми взглядами волжанъ, привыкшихъ къ обычнымъ маневрамъ пароходовъ.

Скоро «Николай Новосельскій» окончательно отошелъ отъ пристани и покатился внизъ, оставляя за собой растянувшійся по берегу Царицынъ. Мнѣ говорили, что нижній участокъ Вол-

ги — скучное мѣсто. Можетъ быть; но только не весной. Теперь рѣка была въ своей полной мощи, и новыя силы ежечасно прибывали сверху. Снѣжинки, растаявшія гдѣ-нибудь на дальнемъ уральскомъ кряжѣ или въ глухихъ костромскихъ лѣсахъ, сдружились съ другими каплями и, ласково журча, перекачиваясь изъ ничтожнаго ручейка все въ большія и большія рѣки, теперь соединились въ общій гигантскій потокъ и гордо несутся къ морю. Съдой Каспій поджидаетъ и манитъ ихъ къ себѣ; а тамъ постепенно охватываетъ соляными волнами, пока, наконецъ, совсѣмъ ими не завладѣетъ. И милыя, граціозныя, нѣжныя когда-то снѣжинки, очерствѣвъ и озлобившись на все живое, сердито вздымаются и бурунами ходятъ по морю.

Волга широко разлилась, захвативъ своими весенними водами громадное пространство. Картинно выступаютъ изъ воды многочисленные низенькіе острова, на которыхъ кой-гдѣ прилѣплены шалаши и избенки рыбаковъ и пастуховъ. Затопленные лѣса, растущіе прямо изъ воды, выдвигаются на встрѣчу, точно волшебные сады. Таинственные проливы, извиваясь среди зелени, то суживаются, то расплываются въ цѣлыя озера, дразнятъ и манятъ въ свои заколдованныя воды.

Пройдетъ мѣсяцъ и вода сильно начнетъ сбывать, а послѣ обнаружатся мели и перекаты. Какъ больно, что такая неисчерпаемая, казалось бы, масса воды пропадаетъ безвозвратно, оставляя въ понизовѣ громадныя безводныя пространства. Гдѣ тотъ инженеръ, который соорудитъ для постоянного питанія рѣки-кормилицы Мериновы озера? Кто направитъ, наконецъ, Волгу-матушку по постоянному глубокому ложу? Кто сдѣлаетъ изъ нея гигантскій водопроводъ для перекачиванія излишка воды изъ Ладожскаго и Онежскаго озеръ на юго-востокъ, въ степи, страдающія отъ засухъ?

Вѣрится, что все это осуществится; но когда?!

«Николай Новосельскій» дѣлаетъ свой послѣдній рейсъ. По словамъ пароходной прислуги, онъ уже давно выстроенъ и устарѣлъ; теперь же идетъ на элингъ для передѣлки на баржу. Пароходъ вздрагиваетъ и скрипитъ по всѣмъ швамъ, но, не уменьшая хода, стремится внизъ. Вода высока и потому мели не страшны. Незамѣтный на берегу вѣтерокъ на ходу рѣзко бьетъ въ носъ парохода и заставляетъ сторониться этого мѣста и направляться въ корму. Здѣсь сгруппировалось немало пассажировъ. Высокій, худой, совсѣмъ юный послушникъ читаетъ житіе святыхъ. Симпатичный молодой человѣкъ, видимо, желаетъ сосре-

доточиться, но голубые глаза его нѣтъ, нѣтъ и вскинутся на волжскую ширь, на kloкочущій волнистый слѣдъ парохода и на окружающихъ... Къ нему подсѣлъ скуластый, загорѣлый семинаристъ и лицо послушника пріятно засвѣтилось улыбкой. У нихъ пошли разговоры о деревенскомъ семинарскомъ житьѣ-бытьѣ. Двѣ недурненькія дѣвицы, несмотря на сердитыя замѣчанія матери, все время высовывавшей голову изъ общей дамской каюты, неустанно кружили по пароходу и задорно поглядывали на пассажировъ. Маленького роста студентъ и долговязый, съ намѣренно лихо заломленной шапкой, недоросль въ косовороткѣ, видимо, заинтересовались дамами; они также принялись описывать круги. Два-три изъ мелкихъ промышленниковъ потребовали себѣ водки, по цѣлой селедкѣ и кипятку. Чай, сахаръ и даже хлѣбъ у нихъ свой. На столъ они не станутъ расходовать много денегъ. Лишь бы быть сытымъ, а тамъ все равно чѣмъ. Расплачиваясь, они вытягиваютъ изъ боковыхъ кармановъ громадные, туго набитые кредитками бумажники съ такимъ видомъ, точно хотятъ всѣмъ показать, что если захотятъ, такъ и всякіе разпосолы потребуютъ.

Народъ не разговорчивый. Обратился я къ одному съ нѣсколькими вопросами о разливѣ Волги, о видѣвшихся на островахъ хуторахъ, о цѣнѣ на рыбу, онъ еле-еле отвѣтилъ, а затѣмъ поднялся и скрылся въ каюту третьяго класса, и вся его фигура говорила:

— Вотъ еще навязался какой слѣдователь!

Еще въ вагонѣ мы мечтали о стерляжьей ухѣ. Теперь она была тутъ на-лицо, передъ нами. Мой спутникъ, аппетитно причмокивая, наполнялъ свою тарелку янтарной жидкостью, а я наслаждался свѣжей икрой. На пароходѣ кормятъ очень недурно и, не замѣчая, тутъ съѣдаешь далеко больше того, что надо для поддержанія брешной жизни. Кромѣ меня и моего энергичнаго спутника, за завтракомъ оказался еще очень разговорчивый представительный еврей, агентъ страховаго общества. Онъ развѣзжаетъ по востоку Россіи и вербуетъ новыхъ потребителей, доказываетъ желательность и необходимость страховать жизнь. Не видя другихъ жертвъ, агентъ усиленно занялся нами и старался наводить разговоръ на всякія жизненные случайности, подтверждавшія его совѣтъ о необходимости страхованія.

Къ обѣду, когда охрипшій агентъ считалъ, видимо, насъ уже своими кліентами, я ему замѣтилъ, что страховое общество, представителемъ котораго онъ состоитъ, песомнѣнно лопнетъ.

— Наше общество?!.. Х—вое общество?!..—запѣлъ онъ всѣмъ дискантомъ.—Видѣли вы нашъ домъ на набережной? Видѣли? А видѣли на Вознесенскомъ? Намъ принадлежитъ полъ-Петербурга. Пусть вся Россія сгоритъ и весь народъ перемретъ, а мы не обанкротимся.

— Да, развѣ вся Россія перемретъ—тогда не обанкротитесь, а то—гибель неминуемая.

— Вы такъ-себѣ, нарочно говорите. Шутите. Порочите солидное общество.

Онъ обидѣлся, но не уходилъ отъ насъ.

— Я вѣрю въ современную состоятельность вашего общества; но вѣрю также и въ то, что страховое дѣло, особенно въ Россіи, это дѣло правительства. Оно одно можетъ вселить во всѣхъ увѣренность въ полную обезпеченность возврата премій. Стоитъ только правительству открыть дѣйствія своихъ страховыхъ кассъ—и всѣ, за исключеніемъ уже затянувшихся, отвернутся отъ васъ. Государству незачѣмъ заниматься перестраховываніемъ за границей и потому оно можетъ довольствоваться меньшимъ процентомъ. Всѣхъ служащихъ своихъ, по особому льготному тарифу, оно обяжетъ застраховаться у себя и тѣмъ, въ послѣдствіи, избавится отъ современныхъ пенсій.

— Вы изъ вѣрнаго источника имѣете эти свѣдѣнія? — тревожно заговорилъ агентъ.

— Мой источникъ—собственное мое убѣжденіе.

— А-а! Нѣтъ, это невозможно. Правительство, все правительство! Казна не можетъ заниматься коммерціей, казна можетъ подати собирать, но страховыя операціи дѣлать—ей невозможно. Это не чиновничье дѣло.

— Какія тамъ операціи? Дѣло простое. Хитростей и оборотливости никакихъ не надо. У офицера, у чиновника, у всякаго, получающаго казенное жалованье, вычтутъ извѣстный процентъ. Въ этомъ отношеніи маленькое насиліе не грѣшно. А хочешь, въ предвидѣніи будущихъ благъ, больше платить—возьмутъ и больше. Неслужащіе могутъ обращаться за страхованіемъ и къ священнику, и къ исправнику, и къ земскому начальнику, становому, въ почтовое отдѣленіе и другимъ лицамъ, которымъ страховое управленіе довѣритъ агентуру за добавочное вознагражденіе. Это будетъ грандіозное и плодотворное предпріятіе. Вотъ тогда-то и слѣда не останется отъ вашихъ теперешнихъ обществъ, такъ какъ конкурировать съ такимъ соперникомъ никому не подь-силу.

— Думать по-вашему, такъ придется чиновника посадить въ булочную и въ зеленую. Съ такой политикой и государство разорится, и коммерція въ трубу полетитъ.

— Видите, правительство, конечно, не можетъ заниматься торговыми и фабричными операціями; но такія предпріятія, какъ банковское дѣло, со всякаго рода ссудными операціями, желѣзнодорожное дѣло и вотъ ваше страховое дѣло, — все это должно быть въ рукахъ казны. То же самое, хотя и по другимъ нѣскольکو мотивамъ, — и съ водочной монополіей. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда объ этомъ поднимали вопросъ, на насъ смотрѣли, какъ на одержимыхъ, на бредящихъ; все это тогда казалось неосуществимымъ, крайне вреднымъ; а теперь на многое изъ этого уже иначе смотрятъ. Придетъ моментъ и вывѣска съ дома вашего общества перейдетъ въ кладовыя старьевщика.

— Никогда! Это немыслимо!

— Позвольте докончить. Что же касается разоренія коммерсантовъ, то, конечно, чужому горю радоваться не слѣдуетъ; но нельзя забывать, что во всѣхъ этихъ коммерціяхъ русскій человѣкъ играетъ крайне ничтожную роль, главнымъ же образомъ орудуютъ и сливки получаютъ инородцы. Мы, русскіе, неспособны къ разнымъ «операціямъ», у насъ не хватаетъ ни умѣнья, ни энергіи на обдѣлываніе частныхъ дѣлъ; а въ то же время мы, русскіе, сумѣли выработать мощное государство съ неизблемымъ сильнымъ правительствомъ. Оно-то, государство, и есть наше спасеніе, подъ его кровъ мы должны прибѣгать и для веденія операцій, если не желаемъ быть въ полномъ экономическомъ рабствѣ у иноземцевъ и инородцевъ.

— Вы, кажется, племенной вопросъ хотите поднимать? Удивляюсь вамъ!

— Не племенной, а жизненный. Надо бороться за существованіе. Вы сильны личной энергіей, а мы въ одиночку не справляемся съ собственными большими экономическими предпріятіями; въ компаніяхъ и товариществахъ играемъ второстепенную роль; въ качествѣ же правительственныхъ агентовъ можемъ работать хорошо, можемъ проявлять и энергію, и настойчивость. Да, ужъ такой мы странный народъ. Не передѣлать.

Въ живомъ разговорѣ мы и не замѣтили, какъ спустилась надъ Волгой ночная пелена, а на небѣ засвѣтились ясныя звѣзды. Мы вышли на палубу. На носовой части парохода, не смотря на дувшій здѣсь вѣтеръ, пріютилась группа двухъ встрѣтившихся, наконецъ, парочекъ. Должно быть, мать веселыхъ дѣ-

вицъ заснула и не укараулила своихъ озорницъ. Опѣ оживленно ворковали и не обращали уже на проходившихъ пассажировъ ни малѣйшаго вниманія. Нашли желанное.

На кормѣ два торговца сидѣли передъ подносомъ съ чайниками и громко прихлебывали изъ блюдечекъ чаекъ.

Послушникъ, растянувшись на скамейкѣ, уставился глазами въ твердь небесную и сладко замечтался. Изъ втораго класса слышалось вполголоса пѣніе «Нелюдимо наше море», а снизу неслись раскаты дружнаго хохота и завываніе гармоника.

Вдали видѣлись огоньки стоящихъ на якорѣ барокъ и мелькали разноцвѣтные фонари поднимавшихся вверхъ пароходовъ. То на одномъ островкѣ, то на другомъ загорались костры и манили туда, туда, въ таинственный архипелагъ. Нашъ пароходъ пыхтѣлъ, дрожалъ и несясь все дальше и дальше...

Я спустился въ салонъ. Мой спутникъ жарко бесѣдовалъ съ агентомъ о событіяхъ въ Китаѣ, о займѣ, о нашей морской торговлѣ и, кстати, о страхованіи судовъ.

Я увѣренъ, что агентъ все-таки не оставилъ своей мысли убѣдить насъ застраховаться. Богъ съ нимъ! Пора спать.

Уютно выглядываетъ залитая электрическимъ свѣтомъ просторная каюта. Вода, разсѣкаемая пароходомъ, мѣрно журчитъ, хлюпаетъ и навѣваетъ дремоту. Еще донесся до меня сигнальный звонокъ. Пароходъ уменьшилъ ходъ и сильнѣе задрожалъ. Опять звонокъ, опять тихое хлюпанье воды и легкое, балочающее качаніе. Хорошо спится въ каютѣ!..

На утро уже показались вдали очертанія Астрахани, съ цѣлымъ ожерельемъ всевозможныхъ судовъ, пріотившихся на волжскомъ просторѣ у европейско-азіатскаго торжища.

На пристани кишитъ самый разнообразный, разноплеменный народъ.

Къ сожалѣнію, некогда осматривать Астрахань. Приходится перебираться на передаточный пароходъ «Кавось», который ходитъ только «на 12 футъ».

Тамъ опять пересадка на суда большаго размѣра.

Какъ затрудняетъ эта перегрузка торговое движеніе! Было бы въ высшей степени желательно, подобно нстербургскому каналу, углубить и здѣсь фарватеръ для того, чтобы морскія суда могли подходить прямо къ Астрахани. Тогда жизнь здѣсь забьетъ еще сильнѣе.

Встрѣчающіяся суда нагружены или нефтью, или рыбой. Цѣлыя горы воблы передвигаются вверхъ съ тѣмъ, чтобы разойтись

вмѣстѣ съ астраханской сельдью по всей Россіи, какъ незамѣнимый вкусовой добавокъ къ леказистой пищѣ нашего рабочаго люда.—Двадцать милліоновъ пудовъ рыбы ежегодно вывозится изъ Астраханской губерніи. Чтобы извлечь изъ воды и посолить такую массу рыбы, на ватаги собираются десятки тысячъ народу. Сотни тысячъ рублей затрачиваются нѣкоторыми фирмами на заготовленіе снаряженія къ ловлѣ безгласныхъ животныхъ, которыхъ весною любовный періодъ неудержимо влечетъ въ Волгу. Теперь прибѣгаютъ къ такимъ усовершенствованнымъ способамъ ловли, что рыбѣ, вошедшей въ рѣку, нѣтъ пощады, рѣдкая избѣгнетъ злой участи.

Это систематическое, хищническое рыболовство уже сказалось на количествѣ рыбы.

Неоцѣненные богатства Каспійскаго моря начинаютъ оскудѣвать замѣтно, и если правила, выработанныя за послѣднее время правительствомъ, будутъ нарушаться рыбопромышленниками, то въ скоромъ времени одному изъ драгоцѣннѣйшихъ въ мірѣ промысловъ грозитъ полное обезрыбленіе. Есть предположеніе, что уменьшеніе улова этого года есть послѣдствіе предупредительныхъ къ рыбосохраненію мѣръ, которыя приняло министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Дай Богъ! Говорятъ, что въ то же время рыба появилась въ значительно большемъ количествѣ въ верховыхъ промыслахъ. Прежде ее всю почти вылавливали въ самомъ нижнемъ обрѣзѣ Волги.

Подумаешь, какъ странно складываются обстоятельства... Тысячелѣтія плодилась и ловилась въ изобиліи рыба, а въ какихъ-нибудь 15—20 лѣтъ человѣчество, усовершенствовавшись, выловило чуть не всю рыбу въ Каспій.—Тысячелѣтія шумѣли густые боры по всей Россіи, а въ какихъ-нибудь двадцать пять, тридцать лѣтъ свели ихъ на-голо. Сотни лѣтъ мирно почивали по усадьбамъ помѣщики и не помышляли о завтрашнемъ днѣ, а въ какія-нибудь тридцать разбредились они изъ своихъ дворянскихъ гнѣздъ и рассыпались повсюду въ безпокойныхъ поискахъ заработка.

Да, за послѣднія тридцать-сорокъ лѣтъ, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, жизнь обитателей земли, прежде тихо катившаяся по чуть замѣтному склону, вдругъ стремительно сорвалась и бѣшено, водопадомъ, кинулась съ отвѣсной скалы. И намъ довелось жить не въ былое время, а попасть въ самый водопадъ. Оно и жутко, и интересно...

Астраханцы плачутся на оскуднѣніе рыбы. Одна фирма,

вмѣсто ожидаемыхъ 40 милліоновъ сельдей, выловила лишь всего 2 милліона. Зато солепромышленники не знаютъ, куда дѣвать соль.

Природа предусмотрительно заготовила недалеко отъ рыбной ловли и громадныя запасы соли. Астраханская губернія, помимо своего мѣстнаго употребленія, ежегодно отпускала внутрь Россіи до 20 милліон. пудовъ соли. За послѣдніе годы вывозъ упалъ до 15 милліоновъ. Кто виноватъ? Солепромышленники корятъ недостаточно покровительственные желѣзнодорожныя тарифы и бездорожье. Надѣются, что съ проведеніемъ желѣзной дороги по лѣвой сторонѣ Волги, отъ пункта, противоположнаго Царицыну, до Астрахани, съ вѣтвью на Эльтонъ, вывозъ снова увеличится. Люди знающіе говорятъ, что причина очень простая и естественная — конкуренція донецкой соли, ежегодный отпускъ которой за послѣднія десять лѣтъ выросъ до 12 мил. пуд. Что касается желѣзной дороги, то нѣтъ такой линіи, которая была бы вредна, — конечно, если она исправна. Не знаю, принесетъ ли только она ожидаемое отъ нея сильное развитіе оборотовъ. Теперь есть другой проектъ проведенія линіи по правой, болѣе пустынной сторонѣ. Думаю, самая важная для Астраханской губерніи работа — это морской каналъ, а затѣмъ уже рельсовый путь.

«Кавось» ходко бѣжитъ внизъ. На небольшомъ пароходѣ много люднѣе, чѣмъ на «Новосельскомъ». Третій классъ вплотную набитъ нижними чинами и двумястами переселенковъ въ Закаспійскій край. Онѣ ѣдутъ къ своимъ мужьямъ, состоящимъ на службѣ въ далекой окраинѣ. Это все молодыя и по большей части красивыя женщины. Многіе изъ солдатъ ѣдутъ также со своими молодухами. За долгій переходъ Волгой, на казенномъ денежномъ довольствіи, безъ работы, молодежь отдохнула и рада поскалить зубы. Когда-то еще придется столько погулять?!.. Весело смотрѣть на ихъ здоровыя, краснощекія лица, на славныхъ ребятншекъ, шныряющихъ среди вороховъ всякаго домашняго скарба. Одна изъ переселенокъ, видимо, городская, въ платьѣ съ пухами и вязаной косыночкѣ на головѣ, жеманно сторонится отъ своихъ товаровъ. Подлѣ нея увивается не то писарь, не то деньщикъ, и напѣваетъ ей что-то на ухо. Она дѣлаетъ глазки и, гримасничая, отворачивается отъ него. Ухаживанье другихъ солдатъ съ деревенскими красавицами имѣетъ болѣе реальный характеръ; въ отвѣтъ они получаютъ здоровыя тумаки и весело-ругливые оклики.

Женщины боятся предстоящаго морскаго путешествія.

— Ой, дѣвушки, боюсь!

— Ничего, не утопишь, ишь какая гладкая, пузыремъ по водѣ пойдешь, — замѣчаетъ худенькій, смуглый солдатъ.

— Не ты кормилъ, таранъ ты сушеная. И куда лѣзешь?!.. руки коротки!

Слышится шлепокъ и взрывъ хохота. Всѣ довольны. Неизбѣжная гармоника, проводникъ музыкальныхъ мыслей современной деревни, наигрываетъ какую-то кадрили. Двѣ-три бабы, пригорюнившись, упорно глядятъ въ даль, въ родимую сторонку. Взгрустнулось ли имъ по старикамъ-родителямъ, по покинутой деревнѣ, или, можетъ быть, тяжело ѣхать къ постылому мужу, и сердце разрывается по миломъ...

Въ первомъ и во второмъ классѣ также прибавилось нѣсколько пассажировъ. Тутъ ѣдетъ офицеръ и врачъ, сопровождающіе партію переселенцевъ; ѣдутъ на свои ватаги рыбопромышленники. Нѣсколько новыхъ лицъ сгруппировалось подлѣ восточнаго человѣка съ роскошными волосами. Онъ все время жестикулируетъ и горловые звуки плавно, безъ запинки, лютуютъ ручьемъ. Армянинъ съ горячностью доказывалъ высокому, худощавому бородачу въ соломенной шляпѣ и буркѣ, что не слѣдуетъ заниматься переселеніемъ русскихъ на южныя окраины имперіи. Земли и для туземцевъ не хватаетъ, а тутъ лѣзутъ пришлые, чужіе. Пусть себѣ населяютъ Сибирь — тамъ много мѣста.

Бородачъ, улыбаясь, смотрѣлъ на красивую фигуру восточнаго человѣка и одобрительно качалъ головою. Всѣ остальные съ интересомъ внимали и, видимо, подчинялись энергичному напору. Только одинъ отставной офицеръ-старичекъ сильно заволновался. Лицо его побагровѣло и онъ, обрываясь, заговорилъ.

— Да кто же своею кровью зѣмли эти полилъ? Кто далъ возможность теперь туземцамъ мирно заниматься своимъ дѣломъ? Кто?! Кто?! Мы-съ, батюшка, русскіе; отцы, дѣды и прадѣды вотъ этихъ самыхъ переселенцевъ.

Однако, симпатіи космополитической группы были не на сторонѣ подполковника и онъ отошелъ ко мнѣ.

— Не знаете ли, куда устроить этихъ поселенцевъ? — спросилъ я его.

— Что жъ, солдаты будутъ служить въ своихъ частяхъ, а бабъ разберутъ въ прислугу. Тамъ большой спросъ на нянекъ, мамокъ, прачекъ, горничныхъ. Сейчасъ пойдутъ по рукамъ.